

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемѣсячный
литературно-политическій
журнал*

Выходит при ближайшем участіи

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА.

№ 163

ИЮЛЬ 1965 ГОДА

P A R I S

73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél. : ELYsées 06-03

СОДЕРЖАНІЕ

Стр

ПОРА КОНЧИТЬ. Редакціонная статья	5
Бар. Ю. ДИСТЕРЛО. Царскій смотр. Мысли и воспоминанія	7
М. КАРАТЪЕВ. Богатыри проснулись	10
Григорій КЛИМОВ. “Имя мое Легион”	30
Борис НАРЦИССОВ. Стихи о Лермонтовѣ	48
Зоя СИМОНОВА. Стихи	49
Я. Н. ГОРБОВ. Свѣтлой памяти Вѣры Алексѣевны Зайцевой	50
В. Н. ИЛЬИН. Валерій Брюсов — великій мастер Русскаго Возрожденія	52
Н. УЛЬЯНОВ. Происхожденіе украинскаго сепаратизма	73
П. Л. БАРК. Воспоминанія	85
Сергѣй ЛЪСНОЙ. Новый поход против “Слова о полку Игоревѣ”	99
Среди книг и журналов: С. О. М. Гардер “Агонія режима в совѣтской Россіи” — Н. В. СТАНЮКОВИЧ. Протоіерей Александр Трубников “Ближній Восток — колыбель Православія”	111
Я. Г. Освященіе памятника на русском кладбищѣ в Ste-Geneviève-des-Bois	122
П. Е. СТОГОВ. Вопросы науки, техники и стратегіи	124
В. БОРИСОВ. По “ту” сторону	130
Я. Н. ГОРБОВ. Литературныя замѣтки: Борис Зайцев “Рѣка времен” — Наталья Кодрянская “Золотой Дар” — К. Померанцев “Итальянскіе негативы”	144
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Дѣла и Люди: От національнаго прошлаго к національному будущему — “Европейская держава” —	

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЛАВА ХІ

(Продолженіе) *)

Возвращаюсь здѣсь к тому, что говорил мнѣ гр. С. Ю. Витте, уговаривая меня под каким либо предлогом отказаться от поѣздки за границу. Он был убѣжден, что здѣшніе руководящіе круги не будут в состояніи дать правильную оцѣнку международному положенію, и когда министр финансов возвратится, никто не захочет считаться с той обстановкой в коей происходили переговоры на финансовой конференціи, вся отвѣтственность падет на министра финансов и его положеніе окажется поколебленным. Не слѣдует забывать весьма вѣрнаго французскаго изреченія: «Les absents ont toujours tort». По своей неопытности я еще не знаю какія интриги ведутся вокруг министра финансов его врагами; несомнѣнно, эти враги приложат всѣ усилія, чтобы использовать мое отсутствіе и поведут планомѣрную атаку, чтобы свалить меня. Если же меня постигнет за границей серьезная неудача, то это станет таким козырем в игрѣ моих политических противников и личных врагов, что вся моя дѣятельность будет скомпрометирована. По всѣм этим соображеніям гр. Витте горячо меня убѣждал уклониться от поѣздки в Париж и возложить эту миссію на кого либо другого из членов Совѣта министров или Государственнаго Совѣта. В таком случаѣ моя роль будет гораздо болѣе выигрышной; я могу поставить опредѣленные задания, когда же таковыя не будут выполнены, я окажусь в весьма выгодном положеніи критика.

Я очень спокойно выслушал гр. С. Ю. Витте, но его доводы не оказали на меня никакого дѣйствія; я за свое положеніе никогда не дѣплялся и дорожил им поскольку у меня было сознаніе, что вѣрной и преданной службой Государю и Родинѣ я могу принести посильную пользу. Если бы моя миссія окончилась неудачей, то я готов был нести всецѣло за это отвѣтственность, в данном же случаѣ, когда в Парижѣ должны были встрѣтиться министры финансов Рибо и Ллойд-Джордж, я признавал совершенно невозможным по каким-то личным соображеніям уклониться от поѣздки; она сопряжена была с опасностью для жизни и с риском потерять мое положеніе, но именно поэтому я считал своим долгом выполнить то, что надлежало сдѣлать русскому министру финансов. Я отвѣтил гр. Витте, что душевно благодарен ему за заботы обо мнѣ и вполне раздѣляю опасенія, которыя он высказал по поводу моего участія в конференціи союзных министров финансов, но ини-

*) См. "Возрожденіе" №№ 157-162.

ціатива в этом дѣлѣ исходит от наших союзников, которые настаивают на прибытіи російскаго министра финансов, вопрос обсуждался в Совѣтѣ Министров, рѣшен в положительном смыслѣ и получил уже одобреніе Государя. В виду этих условій я поставлен в необходимость отправиться на конференцію и лишен возможности найти какой либо повод, чтобы отказаться от выполнения возложенной на меня миссіи. Граф С. Ю. Витте, тѣм не менѣе, продолжал настаивать, чтобы я послушался его дружескаго совѣта и не подвергал бы себя напрасному риску. Повод всегда можно найти при желаніи, наконец, если нѣтъ иного подходящаго предлога, то имѣется в запасѣ одно основаніе, против коего нѣтъ возраженій, а именно болѣзнь. Всякій человек может захворать, и даже совершенно здоровый организм может быть болен в такое время как сейчас. Любопытно, что гр. Витте продолжал настаивать на своем даже послѣ того, как я покинул его. Он телефонировал мнѣ на другой день, повторяя то, что он мнѣ высказывал. В то же время графиня Витте заѣхала к Кривошеину, Министру Земледѣлія, который был моим другом, с тѣм, чтобы передать ему мнѣніе ея мужа, что при теперешних условіях Министр Финансов не может уѣзжать из Россіи надолго. Кривошеин успокоил как мог графиню Витте, подтвердил переданное мною графу рѣшеніе Совѣта Министров о неотложности моей поѣздки в Париж и добавил, что он совершенно не раздѣляет высказываемых графом опасеній. Предупрежденія графа Витте все же принесли нѣкоторую пользу, так как заставили меня еще болѣе подготовиться к возможной борьбѣ для отстаиванія русских интересов и продумать основательно план предстоящих переговоров. Об этом планѣ я доложил Государю, желая поставить Его в извѣстность о тѣх цѣлях, коих, по моему мнѣнію, русскій министр финансов должен был достигнуть при обсужденіи общих финансовых проблем союзников. В то время военные расходы составляли около четырехсот милліонов рублей в мѣсяц, я считал, что они будут несомнѣнно возрастать и выразятся, вѣроятно, в среднем приблизительно в пятсот милліонов рублей в мѣсяц, или шесть милліардов в год. Из этой суммы я полагал необходимым обезпечить шестую часть для заграничных платежей, и хотя в распоряженіи министерства финансов еще оставалась извѣстная наличность у иностранных банкиров, я находил желательным заручиться полностью суммой в один милліард рублей для оплаты наших заграничных обязательств, различных военных заказов и покупок. Открытіе кредита должно было послѣдовать, по моему мнѣнію, без посылки золота из фонда Государственнаго Банка. Наконец, я признавал желательным добиться у наших союзников серьезной помощи в дѣлѣ поддержанія нашего вексельнаго курса. Поддержка курса рубля на заграничных рынках было дѣлом болѣе сложным, чѣм поддержка курса франка или фунта стерлинга. Государь одобрил мой план, пожелал мнѣ успѣха и просил передать от него привѣтъ Президенту Республики Пуанкаре и нѣкоторым министрам, которых Он знал лично. Он также опредѣлял путь для моей поѣздки. Я лично предпологал ѣхать

через Швецію и Норвегію и оттуда через Великобританію, но Государь сказал мнѣ, что недавно посылал генерала Князя Юсупова во Францію и Англію, для передачи русских орденов нѣкоторым высшим военачальникам союзных армій и настоял, чтобы князь проѣхал через Балканы и Средиземное море. Пароходы неоднократно взрывались между Норвегіей и Англіей и Государь считал, что лучше выбрать болѣе длительный путь, чѣм подвергаться риску быть потопленным или оказаться в плѣну. Мнѣ, конечно, не хотѣлось увеличивать время своего отсутствія, так как я желал лично выступать в защиту вырабатываемаго бюджета. Все же перспектива быть потопленным или попасть в плѣн мнѣ не улыбалась и я естественно подчинился приказанію Его Величества. В моей поѣздкѣ через Балканы были и нѣкоторыя преимущества, так как Морской Министр предоставил в мое распоряженіе крейсер "Аскольд", который должен был доставить меня из Салоник в Тулон.

В эту поѣздку я взял с собой двух чинов Министерства финансов, которые, по моему мнѣнію, могли быть полезны при веденіи переговоров с французским Министром финансов. Это были директор общей канцелярїи С. Г. Феодосьев и директор Департамента Таможенных сборов С. А. Шателен, а также мой личный секретарь Дюшен. Я покинул Петроград в началѣ января 1915 г., направляясь через Кіев к румынской границѣ. В Унгени меня встрѣтил мѣстный префект, коему было поручено сопровождать меня до Ясс; в теченіе нѣскольких часов пути он считал своею обязанностью занимать меня пріятным разговором, что в концѣ концов становилось утомительным.

Военныя побѣды наши создали в то время на Балканах представленіе о необычайном могуществѣ Россіи, и русскому министру финансов высказывалось вездѣ большое вниманіе. Я испытывал, конечно, огромное чувство удовлетворенія и гордости, видя, каким престижем пользуется Россія среди Балканских народностей, все же эта сторона путешествія, связанная с представительством и обязывавшая меня к веденію праздных разговоров, очень меня тяготила, но не было никакой возможности уклониться от таких бесѣд.

В Яссах румынскій префект меня покинул, его замѣнил русскій консул М., который счел своим долгом отвезти меня и моих спутников к себѣ и угостить нас обѣдом. Сам консул страдал какой-то меланхоліей и постоянной головной болью, вслѣдствіе чего обѣд отличался необыкновенной скукой, и я был рад, когда вскорѣ послѣ кофе нужно было отправиться на вокзал, чтобы поспѣть к отходу вечерняго поѣзда на Бухарест. К счастью, на ночь меня оставили в одиночествѣ в вагонѣ и я мог благополучно выспаться до утра, когда мы прибыли в столицу Румыніи. В Бухарестѣ меня ожидал на вокзалѣ наш посланник С. А. Поклевскій-Козелл, коего я встрѣчал в Петроградѣ, — очень милый и жизнерадостный человек. Обладая большими средствами, он во всѣх столицах, гдѣ ему приходилось служить, вел широкій образ жизни и очень гордился тѣм, что, будучи совѣтником нашего посольства

в Лондонѣ, сумѣлъ завоевать симпатіи Короля Эдуарда VII и считался чуть ли не его другом. Он был очень разочарован когда узнал, что я не намѣревался остановиться в Бухарестѣ — он собирался уже устроить большой приѣм и познакомить меня со всѣми видными представителями дипломатическаго міра и с румынскими государственными дѣятелями. Пришлось ограничиться только представленіем своих подчиненных на вокзалѣ и бесѣдой в моем вагонѣ до отхода поѣзда. Добравшись до Джурджева я пересѣлъ на пароход, который через четверть часа доставил меня до Рушчука, гдѣ меня ожидали уже болгарскія власти.

Встрѣча на болгарской территоріи произвела на меня очень непріятное впечатлѣніе; не помню уже, какого ранга был болгарин, который вошел вмѣстѣ со мной в вагон экстреннаго поѣзда ожидавшаго меня и моих спутников, но я рѣдко видѣлъ при официальных встрѣчах такую подобострастную любезность и вмѣстѣ с тѣм явную неискренность. На ломанном русском языкѣ этот представитель болгарской власти все время увѣрялъ меня, что весь болгарскій народ и в частности его правительство необычайно преданы великой Россіи, что они взирают на нее как на свою мать, знают, что Россія, пролившая столько крови для освобожденія славян, продолжает о них заботиться, как о своих дѣтях, что благодарность болгар к их освободительницѣ от турецкаго ига никогда не умрет в их сердцах, что они прислушиваются к голосу Россіи и ждут только ея указаній для согласованія своей политики с видами великой покровительницы. Всѣ эти льстивыя слова звучали необычайной фальшью, и я был счастлив, что болгарин не имѣлъ приказаній сопровождать меня и простился со мной перед отходом поѣзда. Путешествіе же в теченіе нѣскольких часов с нашим посланником А. А. Савинским было для меня пріятным отдыхом. Он мнѣ рассказывал много подробностей из своих сношеній с болгарскими государственными дѣятелями и с царем Фердинандом, при чем дал очень интересную характеристику этого послѣдняго. Одно время Фердинанд, будучи еще князем Болгарским, искалъ опоры в Россіи, всячески старался завоевать расположеніе к себѣ Государя, крестил своего сына в православной вѣрѣ и готов был слушаться всѣх директив исходивших из Петербурга. Однако, это настроеніе потом совсѣм перемѣнилось; основной причиной явилась личная обида, которую князь Фердинанд испытал в бытность свою с визитом в Россіи. Среди многочисленных приѣмов, коими сопровождалось его пребываніе в Петербургѣ, был назначен обѣд в Зимнем Дворцѣ, гдѣ князю были отведены его апартаменты; по убѣжденію Фердинанда, на этом приѣмѣ должен был присутствовать Государь; между тѣм, по церемоніалу, выработанному Министерством Императорскаго Двора и Министерством Иностранных дѣлъ, со стороны Императорской фамилии должны были участвовать в обѣдѣ только нѣсколько старших Великих Князей. Князь Фердинанд до послѣдней минуты надѣялся на приѣзд Государя, когда же эти надежды не оправдались он, несмотря на всю свою выдержку, не мог

скрыть своего огорченія и вывел заключеніе, что в Петербургѣ хотѣли сознательно нанести ему обиду, подчеркнуть его незначительность. Чувство личной мести побудило его рѣзко измѣнить политику по отношенію к Россіи, он приложил всѣ усилія, чтобы окружить себя дѣятелями, враждебными Россіи, и ловко использовал разочарованіе, испытанное болгарским народом при заключеніи Бухарестскаго мира, когда вмѣшательство Румыніи в распрю, возникшую между Болгаріей и Сербіей послѣ удачной войны с Турціей, лишило Болгарію плодов ея побѣд; он создал в народѣ убѣжденіе, будто Россія повліяла на такой исход Балканской войны. Теперь, несмотря на чрезвычайно благопріятный момент для Болгаріи присоединиться к державам Согласія для окончательнаго вытѣсненія из Европы своего исконнаго врага — Турціи, — царь Фердинанд почему-то медлит. Он занял весьма двусмысленную позицію, ведет, несомнѣнно, все время тайные переговоры с Берлином, болгарское правительство поддерживает оживленныя сношенія с германскими финансовыми дѣятелями, прервало переговоры с французскими банками, которые были готовы еще до войны реализовать болгарскій заем на Парижской биржѣ, под предлогом будто берлинскіе банкиры предложили Болгаріи болѣе выгодныя условія; и по всему видно, что общая политическая обстановка на Балканах складывается скорѣе в пользу Германіи. По мнѣнію А. А. Савинскаго, союзники должны напречь всѣ усилія, чтобы побудить Болгарію незамедлительно принять участіе в Европейской войнѣ, гдѣ рѣшаются судьбы великих держав. В оживленной бесѣдѣ время в пути проходило незамѣтно, А. А. Савинскій, как опытный дипломат, замѣнил прием у себя в миссіи импровизированным обѣдом в вагон-ресторанѣ. Краткая остановка поѣзда в Софіи была посвящена знакомству с членами нашей миссіи, которые выѣхали меня встрѣтить, и рѣшенію нѣкоторых вопросов, относившихся до нашего товарообмѣна с Болгаріей, поднятых агентом министерства торговли и промышленности; наконец, нужно было удѣлить также время для бесѣды с болгарским министром путей сообщенія, коему было поручено имѣть наблюденіе за благополучным слѣдованіем моего поѣзда.

На территорію Сербіи я должен был прибыть ночью и в два часа утра проѣхать через Ниш. Будучи увѣрен, что ночью никто не придет меня встрѣчать, я заснул с вечера сном праведника и утром был чрезвычайно сконфужен, когда узнал, что почтенный старик Пашич был в Нишѣ на вокзалѣ; к счастью, С. А. Шателен остался бодрствовать и предложил Пашичу разбудить меня, на что тот, однако, не согласился, пояснив, что хотѣл лишь привѣтствовать меня, для дѣловых же переговоров он снабдил надлежащими полномочіями министра финансов Весничя, которому поручено сопровождать меня в поѣздѣ до греческой границы и передать мнѣ меморандум по вопросам, которые желательно было бы разрѣшить на конференціи трех министров финансов в Парижѣ. С Весничем мы внимательно обсудили финансовую программу разработанную сербским правительством и я со своей

стороны обѣщал всячески поддерживать перед союзниками ходатайство сербов о финансовой поддержкѣ, которая, на мой взгляд, была исчислена в весьма скромных размѣрах. Вообще насколько невыгодныя у меня остались впечатлѣнія от общенія с болгарами, настолько сербскіе государственные дѣятели располагали к себѣ своим благородным и достойным отношеніем к тяжелым ударам, коим подвергалась их многострадальная родина. Впослѣдствіи я имѣлъ случай познакомиться с почтенным патриотом Пашичем, бесѣда с коим меня глубоко взволновала, и всѣ остальные представители Сербіи, которых я встрѣчал в Петроградѣ, Парижѣ и Лондонѣ, вызывали во мнѣ всегда уваженіе и горячее сочувствіе.

На греческой границѣ произошел курьезный инцидент, когда директор моей канцеляріи С. Г. Феодосьев расплачивался на станціи за пробѣг эстреннаго поѣзда по греческой территоріи; в Румыніи, в Болгаріи и в Сербіи платежи были произведены банкнотами Англійскаго или Французскаго банка, в Греціи же желѣзнодорожная администрація рѣшительно отказалась от приѣма в уплату банкнот и потребовала взноса золотом. Хорошо, что я из предосторожности захватил с собой нѣкоторое количество звонкой монеты и потому мог безпрепятственно удовлетворить требованіе осторожных греков. В Греціи в началѣ 1915 года державы Согласія не возбуждали особенной симпатіи, поэтому представителю одной из них не было оказано никакого вниманія, я думаю — это было сдѣлано умышленно, так как приход в Салоники русскаго крейсера “Аскольд” был вообще неприятен греческим властям, настроенным в пользу Германіи. Хотя по международным правилам корабли воюющих держав имѣли право оставаться в нейтральных водах в теченіе двадцати четырех часов, однако, германофильствующій двор и правительство очень опасались возбудить подозрѣніе Германіи, и греческія власти в Салониках, гдѣ я должен был перейти на борт корабля, предпочитали дѣлать вид, что не замѣчают находившагося на рейдѣ русскаго крейсера, и что проѣзд русскаго министра финансов им неизвѣстен. Интересно также отмѣтить тон одной мѣстной газеты, издававшейся на французском языкѣ, случайно попавшей мнѣ в руки. Текст ея состоял главным образом из статей, представлявших собой сплошной панегирик всему германскому; между прочим, высмѣивались свѣдѣнія, приведенныя в парижской печати, о звѣрствах учиненных нѣмцами в Бельгіи и в завоеванных департаментах Франціи и о варварских приѣмах, усвоенных нѣмцами на войнѣ. Газета категорически утверждала, что всѣ эти свѣдѣнія — сплошной вымысел, и что родина Гете и Шиллера не может быть названа страной варваров. Странно было читать эти разсужденія, когда всѣм уже был извѣстен варварскій способ примѣненія нѣмцами удушливых газов, заставившій союзныя войска прибѣгнуть для защиты к особым маскам, и когда безчеловѣчное обращеніе с гражданским населеніем Бельгіи было удостовѣрено представителями нейтральных стран. Дальнѣйшее чтеніе газеты убѣдило меня в том, что нѣмцы нисколько не стѣсняются показывать, что

извѣстная часть прессы в нейтральных странах находится всецѣло в их руках; так, в газетѣ, которую я прочел, всѣ телеграфныя сообщенія исходили исключительно от телеграфнаго агентства Вольфа, и от первой до послѣдней страницы был выдержан мажорный тон: «Deutschland, Deutschland über alles».

В Салониках мнѣ пришлось провести ночь, в ожиданіи крейсера “Аскольд”, который должен был прійти на слѣдующее утро, и я помѣстился в отель на набережной, под громким названіем «Olympos-Palace». На дворец этот отель мало был похож, но зато с балкона моей комнаты открывался чудный вид на бухту и на отдаленный Олимп, покрытый по временам причудливыми облаками. Глядя на эту гору я вспоминалъ поэтическіе образы древних богов, давно уже покинувших блестящую когда-то Элладу, сокровищницу искусства, поэзіи, философіи и несокрушимой, казалось, военной доблести. Посѣщая во второй раз Грецію, гдѣ сохранилось столько чудесных памятников старины, я с трудом мог представить себѣ, что ея нынѣшніе обитатели — потомки гордых сынов Эллады, и что эта страна, погрязшая в мелких политических дразгах и неспособная справиться со своими домашними неурядицами без посторонняго вмѣшательства, когда-то была центром и разсадником высокой культуры и просвѣщенія. Тяжелыя мысли опять пришли мнѣ в голову о том, какая судьба постигнет тѣ государства, которыя участвуют в настоящей міровой войнѣ, и не будут в силах перенести всѣ связанныя с этой катастрофой испытанія. Несчастная Сербія уже была на краю гибели, маленькая Черногорія тоже, но это были только самые слабые организмы, за ними же должны послѣдовать и болѣе сильныя, но сколько времени продлится война и кому из ея участников суждено утратить свое могущество — этого ни один пророк не мог еще предсказать послѣ перваго полугодія военных дѣйствій.

Когда я на слѣдующій день рано утром вышел на свой балкон, красивый силуэт крейсера “Аскольд” обрисовывался на рейдѣ в недалеком разстояніи от берега. Командир его, капитан I-го ранга С. А. Иванов, вскорѣ явился ко мнѣ, и мы, послѣ коротких сборов, направились, среди толпы любопытных, на пристань, гдѣ нас ожидал паровой катер, который доставил нас на корабль. Я впервые должен был вступить на борт большого военнаго корабля, и хотя у меня был уже нѣкоторый опыт в морских правилах, так как по должности товарища министра, завѣдывавшаго мореплаваніем, я неоднократно плавал на судах, гдѣ придерживались общепринятых морских обычаев, и ходил также на военных яхтах морского министра, но все же порядки военной дисциплины на боевых кораблях мнѣ были неизвѣстны, и я просил командира посвятить меня во внѣшнія подробности морского обихода. Встрѣча на палубѣ крейсера представляла очень красивую картину, тоннаж его был не велик — около шести тысяч тонн, но он выдѣлялся своими пятью трубами, что составляло рѣдкое явленіе во флотѣ, и изящными очертаніями своего корпуса. По принятіи рапорта

от командира послѣдовало представленіе офицеров, находившихся вмѣстѣ со всей командой во фронтѣ, и обход рядов кондукторов и матросов, выстроенных по всей палубѣ корабля. Несмотря на проявленную мною предосторожность оказалось, что командир не дал мнѣ достаточных наставленій, и я на первых порах обидѣл кондукторов, поздоровавшись с ними как и с матросами, тогда как они считали себя гораздо выше тѣх и к ним нужно было обращаться с другим привѣтствіем. В дальнѣйшем плаваніи я уже научился всѣм тонкостям морского обихода, но мнѣ было чрезвычайно неприятно, что я невольно возбудил в кондукторах напрасное и незаслуженное чувство обиды. Большой новостью было для меня, что командир корабля, по правилам, должен был держаться отдѣльно от офицеров и не спускаться для общей трапезы в кают-компанію. Мнѣ было отведено очень удобное адмиральское помѣщеніе, состоявшее из столовой, кабинета, спальни и ванной. Адмиральская столовая объединяла нѣсколько раз в день командира, моих спутников и меня; наканунѣ же прихода в Тулон офицеры обратились ко мнѣ с просьбой посѣтить их кают-компанію, и тогда мы всѣ спустились туда к общему обѣду. Мнѣ пришлось сидѣть между старшим офицером и старшим врачом, оба оказались очень милыми собесѣдниками, рассказывали мнѣ много интереснаго о плаваніи в водах Тихаго Океана и о недавнем переходѣ оттуда в Средиземное море крейсера "Аскольд", а врач передавал мнѣ также свои наблюденія из жизни во Владивостокѣ, гдѣ он не только занимался практикой, но принимал дѣятельное участіе на общественном поприщѣ, в должности городского головы. Обѣд в кают-компаніи, который начался молитвой произнесенной судовым священником и прошел затѣм незамѣтно за оживленной бесѣдой, оставил во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Офицеры с командиром во главѣ производили впечатлѣніе большой дружной семьи, отношеніе к командиру было очень корректное, но без всякаго подбострастія или искательства, видимо, офицеры привыкли смотрѣть на него как на старшаго распорядителя, готоваго взыскать за упущеніе по службѣ, но внимательнаго к нуждам своих подчиненных. Взаимныя отношенія между офицерами показались мнѣ также основанными на товарищеском уваженіи, и мнѣ понравилось, что несмотря на большое количество бутылок, разставленных на столѣ, тон бесѣды почти не повысился к концу обѣда и всѣ держались в очень корректных рамках. Одно наблюденіе мнѣ было особенно пріятно — это всеобщее уваженіе и любовь коими пользовался командир "Аскольда", кап. I-го ранга С. А. Иванов. Это был рѣдкой души человек, строгій к самому себѣ и к исполненію служебных обязанностей, но человѣчный в обращеніи с командой и добрый старшій товарищ по отношенію к офицерам внѣ служебной сферы. За четверо с половиной суток, что я пробыл на кораблѣ при переходѣ из Салоник в Тулон, я совершенно втянулся в судовую жизнь; особенно мнѣ нравилось сосредоточенное настроеніе экипажа при поднятіи флага утром, каковая церемонія была обставлена с извѣстной торжественностью, и вечерняя молитва послѣ захода

солнца, когда флаг уже был спущен. К восьми часам утра весь экипаж выстраивался на палубѣ, старшій офицер докладывал командиру, а командир мнѣ, что всѣ готовы, я с командиром выходил на палубу, принимал рапорт, засим по сигнальному свистку всѣ головы обнажались, и андреевскій флаг медленно поднимался на мачту, гдѣ развѣвался до захода солнца. По поднятіи флага мы с командиром обходили ряды, здоровались с офицерами и командой, послѣ чего всѣ приступали къ обычным своим занятіям. На палубѣ корабля не было никаких скамеек или приспособленій для сидѣнія, но для меня нашли какое-то поломанное соломенное кресло, и несмотря на довольно прохладную температуру январских дней я с наслажденіем проводил время на свѣжем морском воздухѣ. Волненіе иногда усиливалось, и тогда один из моих спутников приходил в грустное настроеніе, но бури не было ни разу, а так как зимой 1915 г. германскія подводныя лодки еще не проникли в Средиземное море, то все плаваніе от Салоник до Тулона было сплошным отдыхом. Когда мы стали приближаться къ французским берегам, нас встрѣтил миноносец, извѣщенный о нашем приходѣ по радіо-телеграфу, и конвоировал нас до входа в гавань. Я так торопился къ цѣли своего путешествія и настолько привыкъ уже слѣдовать без остановки, что рассчитывал немедленно по приходѣ в гавань сойти на берег и продолжать путь в Париж; къ сожалѣнію, однако, мы пришли в Тулон только в двѣнадцать часов ночи, и командир миноносца, поднявшійся къ нам на крейсер, не мог мнѣ объяснить, имѣется ли ночной поѣзд на Париж и можно ли продолжать путешествіе без замедленія. В виду этого я отправил на берег своих спутников, с порученіем отыскать агента Министерства финансов в Парижѣ тайн. совѣтн. Артура Рафаловича, который должен был встрѣтить нас в Тулонѣ и наладить дальнѣйшее путешествіе. Мои спутники пропали на продолжительное время и вернувшись только около двух часов ночи принесли мнѣ неутѣшительную вѣсть, что придется потерять время до утра, так как никто не рассчитывал на мое желаніе двинуться без замедленія дальше, и прием меня французскими властями должен был состояться лишь на слѣдующій день.

Мои спутники впослѣдствіи рассказывали мнѣ комичныя сцены своей ночной рекогносцировки в Тулонѣ. Они с трудом нашли отель, гдѣ остановился Рафалович, швейцар не хотѣлъ их пускать, отнесшись с подозрѣніем къ каким-то невѣдомым ночным посѣтителем без всякаго багажа. вмѣсто помѣщенія Рафаловича они попали в комнату морского агента кап. I-го ранга Дмитріева, пріѣхавшаго также из Парижа для встрѣчи крейсера "Аскольд"; Дмитріев уже спал и совсѣм растерялся, когда мои спутники спросили его, может ли министр финансов без замедленія прослѣдовать в Париж. Еще болѣе смутился Рафалович, когда мои спутники, уже вмѣстѣ с В. И. Дмитріевым, подняли его с постели и задали ему тот же вопрос. Он никак не мог сообразить, что министр финансов настолько торопится, начал объяснять Феодосьеву и Шателену, что никто из лиц, собиравшихся встрѣтить министра, не

ожидал, что тот будет в такой поздній час еще бодрствовать, всѣ были увѣрены, что он спокойно проведет ночь на крейсере и утром сойдет на берег. Уже к концу бесѣды Рафалович овладѣл собой и накинул на себя какой-то халат, который он сначала никак не мог найти, будучи застигнут ночными посѣтителями врасплох. Потом он им признался, что принял их за мазуриков и только не мог себя отдать отчета в том, почему морской агент оказался их предводителем. *

Как бы то ни было, пришлось смириться с потерей времени, вновь развязывать сложенные вещи и лишнюю ночь воспользоваться адмиральским помещеніем на крейсере "Аскольд". На слѣдующее утро явился ко мнѣ французскій адмирал, командовавшій морскими силами в Тулонѣ, в сопровожденіи су-префекта, представителя гражданской власти в городѣ. На корабль уже находились русскіе чины выѣхавшіе меня встрѣтить: Рафалович, Дмитріев, русскій вице-консул Богоявленскій и агент министерства торговли и промышленности в Марселѣ Батшев, мой старый сослуживец по этому министерству. По морскому обычаю, в адмиральской столовой было подано шампанское, и послѣ кратких взаимных привѣтствій французскія власти покинули корабль. Вслѣд за ними я собрался оставить гостеприимный крейсер "Аскольд". Нѣсколько дней, проведенных мною в военно-морской средѣ, сблизили меня с судовыми интересами, я чувствовал себя на родной землѣ и мнѣ тяжело было разстаться с русскими лицами и вступать на иностранную территорію, хотя бы и союзнаго государства, но гдѣ меня могли ожидать разныя сложныя непріятности. Вся внѣшняя сторона необходимаго представительства меня тяготила и мнѣ хотѣлось быть уже у дѣли. Командир крейсера спросил меня, согласен ли я, чтобы при моем отбытіи с крейсера был произведен салют, но я отклонил эту честь, находя излишним, чтобы в военное время производились салюты с крейсера по случаю отбытія с него гражданского лица. Еще в Салониках С. А. Иванов хотѣл поднять на крейсере брейд-вымпел, присвоенный министру финансов, по должности главноначальствующаго над отдѣльным корпусом пограничной стражи, но я тогда же воспротивился этому, не желая обращать на себя излишняго вниманія, и в Тулонѣ мнѣ совсѣм не хотѣлось производить много шума. Поэтому я ограничился прощаніем на крейсере, сначала с офицерами, а засим со всей командой и спустился в ожидавшій меня у трапа катер, вмѣстѣ с командиром и всѣми лицами пріѣхавшими меня встрѣчать. В гавани меня нѣсколько озадачили звуки военной музыки, раздавшейся при вступленіи моем на берег; оказалось, что французскія власти выстроили почетный караул, и я был вынужден выполнить церемонію прохожденія вдоль фронта и отдаванія чести в отвѣт на военное привѣтствіе. В республиканской Франціи, гдѣ во главѣ военнаго и морского министерства обыкновенно находились члены законодательных палат из адвокатов и гдѣ глава государства принадлежал также к этому почтенному сословію, оказаніе военных почестей гражданским лицам было обычным явленіем, для меня же принятіе военнаго караула в статском

платя́ казалось нѣсколько странным и я чувствовал большую неловкость, когда проходил по фронту французских солдат.

По случаю военного времени количество пассажирских поѣздов по желѣзнодорожным линіям было сокращено до минимума, и до отхода поѣзда в Париж у меня хватило достаточно времени не только для отдачи визитов французским властям, но и для завтрака в одном из отелей, на который я пригласил командира и офицеров с крейсера "Аскольд", а также моих спутников, количество коих увеличилось всѣми, кто прибыл меня встрѣчать. На вокзалѣ меня ожидали французскія власти, был опять выстроен почетный караул и звуки военной музыки раздалась, когда поѣзд стал медленно отходить от дебаркадера. В Марселѣ я простился с Батшевым и вице-консулом Богоявленским и продолжал путь в сопровожденіи Дмитріева и Рафаловича. Послѣдній много рассказывал мнѣ о французских финансах, о положеніи денежного рынка в Парижѣ и о различных мѣропріятіях, принятых в области кредита. Всѣ его свѣдѣнія были мало утѣшительны и я с большой заботой думал о предстоящих переговорах, тѣм болѣе, что Рафалович ничего не мог мнѣ сообщить о программѣ Ллойд-Джорджа, оставшейся неизвѣстной и французскому министру финансов Рибо. На слѣдующее утро мы прибыли в Париж, гдѣ на вокзалѣ ожидал меня наш посол А. П. Извольскій, с совѣтником посольства Севастопуло, и цѣлый ряд представителей французских властей, имен коих не припомню; меня лишь нѣсколько удивило, что министр финансов Рибо не потрудился пріѣхать на вокзал, из-за своего ли преклоннаго возраста или потому, что он неоднократно стоял во главѣ кабинета министров и был кандидатом в Президенты Республики при послѣдних выборах, или же по правилам демократическаго этикета республиканскіе министры считали ниже своего достоинства встрѣчать своих союзных коллег. Впрочем, в Англіи министры также считали неумѣстным выѣзжать на вокзал для встрѣч или для проводов, и я не имѣлъ основанія предполагать, что такое невниманіе ограничивалось лишь случаями пріѣзда русских гостей, так как мнѣ, впоследствии, пришлось совершить путешествіе из Парижа в Лондон с двумя французскими министрами, финансов Рибо и снабженій Тома, и среди лиц встрѣчавших нас на вокзалѣ, в Лондонѣ, англійскіе министры опять блистали своим отсутствіем. Если же Рибо не удосужился пріѣхать, то других представителей французской администраціи было болѣе, чѣм достаточно; меня привѣтствовали различные чины и от Президента республики, и от имени министра финансов и министра иностранных дѣл, и от имени высшей военной власти в Парижѣ. Представленія и привѣтствія взяли довольно много времени и только послѣ того, как я пожал большое количество рук. А. П. Извольскій увлек меня с собой, и мы с ним вдвоём отправились в Hôtel Crillon на place de la Concorde, гдѣ французское правитель-ство приготовило помѣщеніе для Ллойд-Джорджа и для меня. Я был очень рад, что выбор пал на этот отель, так как по случайному совпаденію именно в нем я обычно останавливался когда бывал в Парижѣ

в качествѣ туриста. А. П. Извольскій прошел вмѣстѣ со мной в отвѣденныя мнѣ комнаты, и я воспользовался этим, чтобы разспросить его, какіе мнѣ надлежит нанести официальные визиты. Оказалось, что эти обязанности были не так многосложны, так как французскіе сановники удовлетворялись полученіем визитных карточек, разсылку коих взяла на себя канцелярія посольства и мнѣ предстояло побывать лично только у Президента Республики, у предсѣдателя совѣта министров Вивіани и у министров финансов и иностранных дѣл. По заявленію А. П. Извольскаго, мнѣ, однако, необходимо было подвергнуться другому испытанію, а именно дать интервью многочисленным журналистам. Этому вопросу наш посол придавал большое значеніе, сказал мнѣ, что он совмѣстно с А. Рафаловичем составит список газет, представители коих должны быть мною приняты, при чем поименовал нѣкоторых публицистов, коим надлежало оказать специальное вниманіе и в заключеніе просил меня во всяком случаѣ не забыть «Le Petit Journal», близкое участіе в коем принимал Пипшон, извѣстный дипломат, бывшій генерал-губернатор Индокитая и министр иностранных дѣл, считавшійся вѣроятным преемником Делькассѣ в случаѣ перемѣны состава кабинета. Кромѣ того А. П. Извольскій указал мнѣ на большое вліяніе газеты «Le Journal», акціи коей в значительной части находились в руках сенатора Humbert. А. Рафалович уже предупреждал меня, что мнѣ придется посвятить довольно много времени журналистам, он сам был очень близок к парижской прессѣ, состоял долготѣнным сотрудником серьезной вечерней газеты «Journal des Débats» и хорошо знал своеобразные нравы и обычаи этой среды. Им в пути уже была заготовлена статья по случаю моего пріѣзда во Францію, которая должна была появиться на слѣдующій день в «Journal des Débats» и в ней Рафалович очень умѣло давал нѣсколько интересных свѣдѣній о наших финансах, пріобщив краткую характеристику министра, отвѣтственнаго за них в тяжелое время міровой войны.

В самый день пріѣзда я успѣлъ побывать у Вивіани, Делькассѣ и Рибо; послѣдній мнѣ сообщил, что канцлер англійскаго казначейства Ллойд-Джордж ожидается вечером, что занятія конференціи начнутся на слѣдующій день, в десять часов утра, и, к великому моему удивленію, добавил, что он, как и я, совершенно не освѣдомлен о тѣх вопросах, которые Ллойд-Джордж хотѣлъ предложить вниманію конференціи. Я спросил Рибо, говорит ли Ллойд-Джордж по-французски и на каком языкѣ будут происходить занятія конференціи, на это Рибо отвѣтил, что, насколько ему извѣстно, Ллойд-Джордж понимает по-французски и что он предполагал вести засѣданія конференціи на французском языкѣ. Я этому был очень рад, так как англійским языком владѣлъ далеко не так свободно как французским и не мог бы объясняться по-англійски с той же легкостью как по-французски.

Вечером, когда я послѣ обѣда сидѣлъ у себя в отелѣ, мнѣ доложили, что Ллойд-Джордж просит разрѣшенія зайти ко мнѣ; оказалось, что он только что пріѣхал из Лондона и не теряя времени хотѣлъ со мною

познакомиться и обмѣняться мнѣніями в частной бесѣдѣ до начала занятій конференціи. Он сразу произвел на меня чарующее впечатлѣніе своим прямым открытым взглядом умных и подвижных глаз, простотой рѣчи и неизсякаемой энергіей и Божіей искрой, которыя чувствовались в его словах, в движеніях; в манерѣ себя держать, в ясности изложенія мыслей. Он был средняго роста, носил длинные волосы, что было необычным для англичанина, говорил быстро и с огнем, что также мало походило на англійскій способ изъясняться медленно и скучно-сдержанно, одѣвался болѣе чѣм просто и во всѣх отношеніях отличался от своих соотечественников. В началѣ это меня чрезвычайно поразило, но потом я узнал, что он родом Уэльсец и, видимо, кельтская кровь сохранила в нем много особенностей, отличавших его от флегматичных англичан. Помня, что Рибо мнѣ говорил о знаніи Ллойд-Джорджемъ французскаго языка, я отвѣтил на его привѣтствіе по-французски и рассчитывал на этом языкѣ продолжать разговор, но эти расчеты оказались напрасны. Ллойд-Джордж, видя, что я понимаю по-англійски, попросил разрѣшенія говорить на родном ему языкѣ, так какъ французскимъ он не владѣет, и сейчас же приступил к изложенію мотивов, почему он счелъ необходимымъ потревожить меня для совершенія столь далекаго путешествія. Он мнѣ сказал, что ненавидит вообще всякія письменныя сношенія, и что по его мнѣнію никогда никакой обмѣн писемъ или депешъ не можетъ замѣнить живого слова. Уже осенью 1914 г., когда между англійскимъ и русскимъ правительствами происходили дипломатическія сношенія относительно открытія намъ перваго военнаго кредита, Ллойд-Джордж вынесъ такое впечатлѣніе, что многое осталось недоговореннымъ и не было полнаго взаимнаго пониманія, которое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ безусловно необходимо между союзниками для предупрежденія всякихъ недоразумѣній и для достиженія надлежащей солидарности, безъ коей успѣшное веденіе войны становится невыносимымъ. Заключивъ союзъ для военной обороны противъ нападенія Германіи, державы Согласія должны объединить всѣ свои силы, в видахъ успѣшной борьбы съ общимъ врагомъ, при чемъ это объединеніе нужно распространить не только на область военно-техническую, но и на финансовыя ресурсы. Всѣ средства должны быть помѣщены в общій котелъ, только в такомъ случаѣ союзники могутъ рассчитывать на благопріятныя результаты своихъ дѣйствій. Я отвѣтилъ Ллойд-Джорджу, что горячо привѣтствую его основную мысль и признаю ее глубоко правильною, но опасаюсь, что при практическомъ ея примѣненіи должны встрѣтиться серьезныя затрудненія вслѣдствіе того, что условія, в коихъ находятся воюющіе союзники, чрезвычайно различны. Такъ, Россія, обладая огромной, превосходно дисциплинированной арміей, далеко не располагаетъ тѣми техническими средствами, кои имѣются в распоряженіи союзниковъ, ибо ея промышленность не находится на томъ высокомъ уровнѣ, какъ промышленность западная; равнымъ образомъ, в области финансовыхъ ресурсовъ Россія располагаетъ огромными природными богатствами, еще не разработанными, но не имѣетъ тѣхъ

свободных капиталов, кои накоплены вѣками на Западѣ. На это Ллойд-Джордж мнѣ возразил, что объѣмъ лянѣній на конференціи долженъ именно выяснить особенности условий, в коих приходится дѣйствовать каждой из воюющихъ державъ, и тремъ министрамъ финансовъ надлежитъ установить такую линію поведенія, которая позволила бы каждому из союзниковъ, в нужныхъ случаяхъ, рассчитывать на поддержку двухъ другихъ великихъ державъ — участницъ міровой войны. Ллойд-Джордж привелъ мнѣ цифры военныхъ расходовъ, произведенныхъ Англійей за первые шесть мѣсяцевъ войны, и предположительный бюджетъ на ближайшіе полгода, добавивъ, что его особенно беспокоитъ вопросъ обезпеченія золотомъ выпускаемыхъ Великобританіей бумажныхъ облигацій в виду незначительнаго золотого запаса Bank of England, который значительно ниже, чѣмъ золотые фонды русскаго Государственнаго Банка и Banque de France. Я со своей стороны пояснилъ, что охрана золотого фонда во время войны — наиболѣе большой вопросъ и для меня, и я надѣюсь, что мои союзные коллеги поймутъ то тяжелое положеніе, в коемъ находится министръ финансовъ, вынужденный считаться с необходимостью усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ вызванной военными расходами. В заключеніе Ллойд-Джордж упомянулъ, что малымъ государствамъ, вовлеченнымъ в войну, три великія державы должны бы оказывать финансовую поддержку за общій счетъ. Бельгія, Сербія и Черногорія не располагаютъ, конечно, достаточными средствами, чтобы покрывать громадныя военныя издержки, и желательно обезпечить имъ совмѣстную помощь великихъ державъ. На это я замѣтилъ, что Россія уже неоднократно, с начала войны, посылала Сербіи и Черногоріи различные предметы снаряженія и продовольствія, и я готовъ присоединиться къ мнѣнію Ллойд-Джорджа, чтобы велся общій счетъ поддержки с нашей стороны малыхъ государствъ, с тѣмъ, чтобы оплата ими долговъ была произведена по окончаніи войны, способами, которые имѣютъ быть установлены по взаимному соглашенію великихъ державъ.

(Продолженіе слѣдует)

П. Л. Барк.